

ЖЕНЯ ЯНИЩИЦ

Весной, когда зацветают одуванчики, я бы на пару дней освобождал школьников и студентов от занятий. Все равно прогуливают. Пусть законно понежатся на солнышке, порезвятся на первой травке, надышутся зеленым, посмотрят на голубое. Это остается на всю жизнь как наука счастья. В погожий апрельский денек по дороге в школу из Горска в Малечь наши велосипеды сами заворачивали в лес на теплую поляну, которой мы, подчиняясь традиции земляков именовать леса и поля, луга и болота, придумали топоним Валяка, от слова валяться. Прогульная поляна имелась у меня и в Минске, в сквере Янки Купалы, прогулы были студенческие, поляну, вспоминая о ней, я называю Упрямый Одуванчик.

Под одуванчиком подразумевается студентка первого курса филфака Женя Янищиц, она, как выяснилось, любила весенние отлучки так же, как студент второго курса журфака Толя Козлович. Мы учились в университетском корпусе по улице Красноармейской, жили в общежитии на Парковой Магистрале (проспект Машерова), писали стихи, читали и обсуждали их на заседаниях литобъединения "Узлёт". Майский день 1967 года мы стоворились прогулять.

Нас роднило Полесье, связывала речка Ясельда, но мы боялись остаться вдвоем. Наверно, не желали разрушить атмосферу доверительности и бескорыстия, она казалась нам богаче и честнее взаимоотношений мужчины и женщины. Мне было двадцать, Жене — восемнадцать, но серьезные литературные занятия и связанные с ними большие ожидания как бы добавили нам возраста, сдержанности. Чтобы не случилось нечто непоправимое, мы взяли с собой моего друга Федю Петрушеню. Втроем провели день: посетили музей Янки Купалы, катались на лодке по Свислочи, пили чай с булочкой, сидели на поляне, рвали для Жени одуванчики, фотографировались моим "фэдом", говорили о жизни и смерти.

Да, о смерти говорили много. Например, об уходе Есенина и Маяковского, о СПОСОБАХ ухода — мучительных, жестоких, несчастливых. Именно НЕСЧАСТЛИВЫХ, как сказала Женя. Прежде чем уйти, нужно испытать счастье. СЧАСТЬЕ ПОЛЕТА. "Я улечу вот так! — Женя нашла возле себя созревший одуванчик, дунула, посмотрела, как белые парашютики сначала вспорхнули, а затем упрямо опускались на траву, на ее русые волосы. — Прежде чем упасть, я полетаю."

Она говорила так обдуманно, что мы с Федей испугались, стали уговаривать ее надеть венок из желтых одуванчиков, который лежал у нее на коленях, и сфотографироваться. Мы шутили, что знаменитая поэтесса должна остаться в вечности цветущей. Женя надеть венок отказалась, решительно отшвырнула его от себя. Мы пошли в кино.

Вечером мы расстались в коридоре общежития, Женя ушла в свою комнату, я в свою. Лег на койку, взял блокнот, ручку... Вскоре были готовы двенадцать строк о летающей женщине:

З таемнай надзеяй,
З апошнія сілы
Жанчына ў нябёсы

Акно расчыніла.

Ды вольныя крылы
Так мала, так мала
У небе жанчыну
Трымалі.

Букецік засохлы
Трымціць на магіле
Жанчыны, што жытку
Нябесна любіла.

Я знакомлю современника со своими юношескими стихами как с лучиком Жениной души, приоткрывшейся мне. То, о чем она мечтала на майской поляне в 1967 году, Женя осуществила 25 ноября 1988 года, через пять дней после сорокалетия. Открыла окно над Свислочью, где мы катались на лодке, и улетела. Мне хочется верить, что счастье полета было сильнее последующей за ним боли.

Первый раз я увидел Женю весной 1966 года. А до того читал в республиканской печати ее стихи. Они были будто не написаны, а выдохнуты. Когда Союз писателей пригласил ее на литературный вечер, я помчался туда. Вышла тоненькая девочка, одетая словно на последний школьный звонок, и высоким голосом соединила-соткала в неразрывное целое березку и жаворонка, весну и осень, зеленый листок и желтый, церквушку и музей, звезду в небе и костер на земле... Детали и образы были реалистичны, и не верилось, что они имеют связь с этим неземным колокольчиком под белым бантом.

Осенью Женя поступила в университет. Она оказалась не чопорной девицей, а скорее шалуньей. Была остра на язычок. Могла на чинном мероприятии прошептать тебе в ухо эпиграмму на кого-либо из присутствующих, а затем по-детски хихикать в кулачок. Могла выпить вина и запеть "мамину песню", и тут же застесняться, и надолго замолчать. Могла обидеться и посоветовать, чтобы ты пошел к черту, а на завтра, встретив в университетском коридоре, сунуть листок-стишок, попросить: "Скажи, как!" — и убежать.

Женя рано обрела известность, ее то и дело приглашали выступать со стихами. Однажды попросила пойти вместе. Поскольку мы боялись остаться вдвоем, Женя взяла с собой подругу Люду. Читала тогда в парке Горького, там мы погуляли, вернулись в общежитие. Не успел я присесть, как в комнату вошел знакомый, сказал: "Толя, с тобой сегодня летали два ангела в миниюбках." Он встретил нас в парке и был сражен изяществом моих спутниц. Он не подозревал, как много, упорно, мучительно работает один из этих ангелов.

"Толя, добрай раніцы! Я прыходзіла да цябе ўчора, г. зн. 15 студзеня. Але цябе не было ў пакоі. Прачытай мае новыя тварэнні і нікому больш не паказвай. Згода? А то я ўпаду сваім паэтычным духам. Да пабачэння. Жэня. 16 студзеня, 1.00."

Заклеенный конверт был ночью просунут в дверную щель. В конверте — Женины стихи. На русском языке. Они отличались от белорусских книжностью, вторичностью, сделанностью. Куда тебя несет, Женя?! Вернись в родные небеса, где ты, как ласточка, вернись в родную речку, где ты, как рыбка, вернись в рощицу на окраине родной деревни Рудка, где ты, как березка. "А ты, Толик, иди к черту, раз не понимаешь меня!"

В литературу она вошла БЕРЕЗКОЙ. Попросила Беларусь, чтобы поставила ее березкой в поле. Так Янищиц и видели — то березкой, то птичкой на ветке. Она должна была продолжать национальную традицию. Как только очередной оккупант ослаблял натиск, белорусские писатели начинали яростно доказывать, что белорусы — люди, умеют запрягать лошадь, выращивать бульбу, что небо тут синее, трава зеленая, язык настоящий... На доказательства ушли восемнадцатый, девятнадцатый, двадцатый века. Ныне белорусская литература в массиве своем является как бы младолитературой, этаким перегруженным ненужными подробностями описанием вновьобразованной планеты, недра которой предстроит открыть, когда из фольклора вызреет собственно литература. Подавляющее большинство наших писателей трех последних столетий так и остались в периоде восторженного школярства.

Женя ощутила тиски традиции очень скоро, однако вырывалась из них слишком долго. Необходимо было преодолеть не только эстетические каноны, но и "художественный вкус" властей предрержащих, которые охотно выпускали чирикающих птичек на идеологические орбиты. В 1981 году Янищиц в составе делегации БССР была на сессии ООН. В том же году меня выпустили в Англию, посему могу представить выездную процедуру, сквозь которую прошла Женя. Характеристики, анкеты. Инструктажи в КГБ, в ЦК КПБ, в ЦК КПСС. "Помните, что вы будете находиться в стране врага номер один." "Вам оказано высочайшее доверие." "Не забывайте, что вы — представитель страны советов."

Писатели, награжденные посещением ООН, по возвращении сочиняли очерки о стране "желтого дьявола". Подчиняясь выездному инструктажу, авторы отключали в себе зрение, слух, ум. Властвовали гордость, чванство, невежество. Американский стихотворный цикл Янищиц не был исключением. В Америке Женя увидела "золото и тлен", а вместо человека — "Каина как феномен прогрессивных перемен". В Вашингтоне заметила, как кружатся листья осени, но насладиться красотой не захотела, потому что красота была чужая, исходящая не от домашней березки. Американские стихи Женя включила в книгу "Пора любви и печали" (1983), за нее получила Госпремию БССР.

Советский патриотизм получил достойную оценку фарисейского государства. Пой, Женя, дальше, но ПОРА заметить, как испоганена твоя Ясельда, как нищи и бесправны твои земляки. Пора догадаться, что в тени УРА-БЕРЕЗКИ обязательно возникнет ВОЛОСАТЫЙ ЧЕРТ и "по особому пути" поведет Беларусь в сторону от цивилизации.

В 1987 году вышла Женина книга "Калина зимы". Ее вершина. Прорыв к подлинному мироощущению. Наконец-то она увидела, что на родине "высох

колодец, хоть жита насыпь". Поняла, что чужая листва не менее красива, чем своя. Почувствовала, что на земле "каждая болька — родня". Преодолела провинциальное чувство превосходства — и душа белорусская соединилась со всем миром.

Философская лирика Янищиц влилась в мировую классику (жаль, что ее избранное не переведено на русский и английский). Стихи о любви обрели романсовую многозначительность (верю, что их когда-нибудь в Беларуси запоят вместо псевдонародного примитива, типа "ой, повали меня на лебеду").

Совершенство строки выдавало кропотливую работу Мастера. Авторка была настолько требовательна к слову, что в экземпляре книги, подаренном мне, сначала исправила опечатки, затем написала: "Толю і Тамары Казловічам з пажаданнем шчасця-радасці і здароўя сыну Нікаляшку — па-зямляцку Жэня Янішчыц. Мінск, 12.03.1987."

В тот день она была у нас дома в гостях. Открыта, весела, остроумна. Находилась в центре компании, где, кроме меня и жены, были два московских окололитературных гостя, прибывших на какую-то показуху Союза писателей. Слава Богу, можно было передохнуть от казенщины, выпить вина, зубровки, поговорить о чем душа желает.

Москвичи были давно знакомы с Женей, ценили ее творчество, с удовольствием слушали ее язвительные комментарии к литпроцессу, пытались уговорить ее почитать стихи, получили отказ, переключились на иные темы, диапазон каковых был необъятен, и подавались они эффектно, с апломбом, со столичной хватанностью, со скольжением по поверхности, что часто характерно москвичам. Женя замолчала. Неожиданно в слезах выпаливает так, что невозможно ни остановить, ни возразить: "Вы такие умные, начитанные! Я дура, не могу участвовать в ваших разговорах. Я ничтожество. Зачем я родилась? Я не знаю и не умею ничего, кроме своих стишков. Мне нужно сидеть в конуре, не показываться людям. Я бездарь. Боже мой, как я несчастна! Извините, я должна уйти."

Не хватило коллективных сил переубедить, утешить, задержать. В невыносимую минуту самопознания она была сильнее, пронизательнее всех. Из подобных минут сложилась ее жизнь, представляющая собой непроходящее обострение белорусского менталитета и перелитая в поэзию. ЖИЗНЬ истончалась с каждым ушедшим днем, а ПОЭЗИЯ — обретала вечность, неопровержимость.

Выберу сёння якую вандроўку,
Каб неўталоннай душы дагадзіць?
Светла аклікну каліну-сяброўку —
Сумам маім на мяне паглядзіць.

В 40 лет Женя оставалась такой же, какой была в 18, в студенческом общежитии, когда вдруг уходила в сторонку от шумного разговора и вина, брала тетрадь для конспектов, что-то быстро там писала, резко вырывала листок, подавала, ждала, пока прочитаю: "Толя! Ты в этот вечер не похож на

себя. Слишком откровенен. Буду такой и я. Чертовски любила жизнь. Видимо, я представляла ее в розовом свете или что-нибудь в подобном роде. В конечном итоге я ошибалась. Мир удивительно разнообразен. Не похож на мое детское представление. И даже хорошие люди, которых я рисовала великими, превращаются в незаменимые винтики, без которых нет большой детали. В другом понимании — это лишь небольшие детали, дополняющие и жизнь, и настроение. Завтра День Победы. Мы сидим четверо. Я., К., Л., П. Я понимаю, почему П. грустно. Я знаю это по себе. Он врет, что он пьян. Это ужасно и страшно — одиночество. Завтра хороший день. Но что он сулит мне? Известность, неизвестность? Или просто краткий солнечный луч? Пришла в жизнь. И уходить из жизни мне по-прежнему просто...”

От одиночества зарождались ее совершенные стихи и одновременно — чувство ущербности. МАСТЕР интуитивно принимал необходимость одиночества, ЧЕЛОВЕК — радовался, когда одиночество отступало хоть на миг. Однажды я привез ей новогоднюю елку, Женя разрыдалась. С сыном Андреем они жили на первом этаже мрачного дома по улице Первомайской. Строчки — оттуда:

Фортку адкрыю. Горача, душна.
Густа начніцы абселі плафон.
Скруха спынілася на раўнадушшы
Там, дзе ад болю аглух тэлефон.

Она долго держала меня на этом телефоне, когда позвонил, чтобы поздравить ее с поэмой “Ягадны хутар”. В маленькую поэму Женя вместила глубину многопланового философского романа. Чудо-вещица, как выражаются литкритики. Женя попросила доказать, что поэма удалась. Это было свойственно ей — сомнение и неуверенность.

Преследуемая врожденным чувством типично белорусской неполноценности, она слишком зависела от ДРУГИХ. Но других — меньше и меньше. От разрыва с мужем осталась рана. Сверстницы-поэтки превратились в завистниц. Рядом был сын, но сыну уже посвящено немало строк, равнозначных завещанию. А мама? Мама поймет, мама простит дочке все, даже эгоистичный полет.

Поэту-ангелу Евгении Янищиц опасно было жить высоко, но она поселилась в престижном высотном доме над Свислочью. Квартиры в нем, выделенные властью, писатели делили с интригами и подлостями.

А я зжылася з тым, чаго чакаю,
Пра што вядома спорнаму пярэ.
... І цяжка небу крылы давяраю.
... І легка я з зямлёю гавару.